

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Л. В. Сердюк*

БЕЗОПАСНОСТЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА, ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы эффективности уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за причинение физического вреда личности в автодорожных преступлениях и совершаемых по хулиганским мотивам. Обращается внимание на необоснованное устранение уголовной ответственности за виновное причинение физического вреда личности средней тяжести, граничащего с причинением тяжкого вреда здоровью, при совершении водителями автодорожных правонарушений. Автор считает необходимым пересмотреть вопрос о характере вины водителя, совершившего аварию с человеческими жертвами, находившегося при этом в значительной степени опьянения. Дается обоснование признания данного деяния, совершенным с косвенным умыслом с соответствующими правовыми последствиями. Объясняется это тем, что садясь в таком состоянии за руль источника повышенной опасности, субъект не может не сознавать опасность своего поведения, а следовательно, не может не предвидеть опасных последствий. Находясь в состоянии опьянения при заторможенности восприятия действительности, он не может рассчитывать на свой опыт. Автор считает неверным также законодательное решение об удалении специального состава (ст. 265 УК РФ) из Кодекса с переводом ответственности за оставление лица в опасном для жизни состоянии при наличии автодорожного происшествия на общий состав ст. 125 УК РФ. Это существенно снижает предупредительное воздействие уголовного закона на автодорожных преступников.

Учитывая, что побои и причинение легкого вреда здоровью, совершенные из хулиганских побуждений, на практике фактически приравниваются к совершенным по бытовым мотивам, предлагается убрать данный мотив из составов указанных преступлений. Вместе с тем обосновывается необходимость введения в ч.1 ст. 213 УК РФ ответственности за грубое нарушение общественного порядка, связанное с насилием над личностью, с переводом действующих признаков этой части (пп. «а» и «б») в число квалифицирующих. Этот состав сегодня, по мнению автора, защищает не гражданина, а саму власть, учитывая, что хулиганство признается наказуемым при условии, если оно совершается по мотивам экстремистского характера, а вооруженное хулиганство, по сути, приравнено к бандитизму.

Ключевые слова: автодорожные преступления, бытовое хулиганство, хулиганский мотив, общественный порядок, нарушение общественного порядка, гуманизация уголовного закона, презумпция невиновности, неосторожное преступление, преступления против здоровья, неуважение общества.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.126-134

© Сердюк Л. В., 2016

* Сердюк Леонид Васильевич, доктор юридических наук, профессор Уфимского юридического института МВД России

leonid-pro@mail.ru

450091, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2

Курс на гуманизацию уголовного законодательства в процессе его постоянных реформ в принципе не вызывает возражений. Действительно, надо сокращать применение такого наказания, как лишение свободы, за преступления небольшой и средней тяжести, но это не значит, что эти преступления должны переводиться в разряд административных проступков в буквальном и в переносном смысле этого слова. По крайней мере это не должно касаться преступлений, направленных против жизни и здоровья граждан, общественной безопасности и общественного порядка. На наш взгляд, сегодня, напротив, требует ужесточения уголовное законодательство в части защиты прав и законных интересов личности. Особенно это касается автодорожных преступлений. Думается, административного усиления ответственности за эти преступления введением статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации недостаточно для сколько-нибудь серьезного их предупреждения. Водители грубо нарушают правила вождения, грубят патрульным работникам, у них отбирают права, а они продолжают ездить без прав и смеются над правоохранительными органами, выкладывая свои нарушения в Интернет. Гуманизация и презумпция невиновности, доведенные до абсурда, работают во вред законопослушной части общества. Водители, калечащие граждан, и хулиганы, избивающие их при отсутствии экстремистских мотивов, часто вообще уходят от уголовной ответственности.

Прежде всего, по нашему мнению, в статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации целесообразно вернуть ответственность за причинение вреда здоровью человека средней тяжести, поскольку этот вред граничит с тяжким вредом, когда потерпевшему причиняются травмы, серьезно влияющие на его здоровье. Сегодня эти дела рассматриваются в административном порядке, где наказание — штраф и лишение водительских прав на короткое время, что для многих нарушителей, как они выражаются, не проблема. Недавний пример: москвичка, находившаяся за рулем автомобиля в нетрезвом состоянии, сбила пешехода, причинив вред здоровью средней тяжести, лишена водительских прав, но получила временное разрешение на вождение и продолжала водить автомобиль. Этот пример подтверждает гуманность российского законодательства и правоохранительных органов, но только не к потерпевшему.

Статья 264 УК выражает ужесточение уголовной ответственности — максимальный срок наказания до 9 лет лишения свободы. Но в приговорах не видно этого наказания. Судьи практически никогда не назначают даже близкий к этому срок за неосторожные преступления, поскольку и за умышленные убийства сегодня часто дают много меньше. Например, в архиве районного суда г. Уфы мы находим приговор за бытовое убийство — пять лет лишения свободы, т.е. ниже низшего предела, хотя смягчающих обстоятельств в деле нет.

Что касается автодорожных преступлений, то закон, видимо, предполагает, что субъект, садясь пьяным за руль, не осознает опасность своих действий, а значит, и не предвидит опасных последствий. Думается, это лишь адвокатская версия, так как любой нормальный человек, как бы он ни был пьян, садясь за руль, не может этого не сознавать и не предвидеть.

Возможно, здесь имеет место легкомыслие — субъект осознает, что поступает опасно для общества, но рассчитывает на свой опыт. Но и это нереально, так как при алкогольном опьянении наступает заторможенность мышления и восприятия, когда опыт не помогает, что известно каждому.

Отсюда — причинение вреда здоровью или причинение смерти потерпевшему при совершении автоаварии лицом, управлявшим автомобилем в значительной степени опьянения, следует признавать, по нашему мнению, совершенным с косвенным умыслом, а не по неосторожности. Несмотря на то что ст. 264 УК РФ усилена в отношении нетрезвых водителей (содержит шесть частей), общественная опасность данного преступления явно занижена. Косвенный умысел на убийство человека в данном случае при совершении автоаварии нужно признавать с момента, когда пьяный сел за руль источника повышенной опасности. В данном случае к возможным последствиям он относится безразлично. Его действия нельзя сравнивать с причинением вреда по обычной невнимательности.

Кроме того, в санкции ч. 6 ст. 264 УК РФ при причинении смерти пьяным водителем двум и более лицам следует, по нашему мнению, наряду с лишением свободы предусмотреть лишение водительских прав не на три года, а на более долгий срок с конфискацией автомобиля как орудия убийства. Думается, это будет вполне справедливо, а главное, будет эффективно работать на предупреждение столь опасных

для общества преступлений. С другой стороны, борьба с автотранспортными преступлениями продолжается, как и пять лет назад, выявлением и наказанием штрафами водителей с показателями 0,1—0,2 промилле спирта. Часто это, как отмечается в медицинской литературе, может происходить даже от приема некоторых лекарств.

В 2003 г. утратила силу ст. 265 УК РФ, состав которой обязывал виновника автоаварии оставаться на месте происшествия и оказывать помощь пострадавшим. На наш взгляд, этот состав, являясь специальным, играл значительную предупредительную роль в системе автотранспортных составов преступлений. Общий состав (ст. 125 УК РФ) заменяет специальную норму формально и фактически не играет предупредительной роли.

Видимо, можно признать, что в части защиты граждан от автодорожных хулиганов за рулем государство действительно ищет пути усиления этой защиты, но, к сожалению, лишь неумело нагромождая один закон на другой. Как будто это делается в панике и спешке при виде ежегодной гибели тысяч граждан на дорогах, как будто некогда этот закон продумать с привлечением ученых, а не только всезнающих политиков.

Другая, не менее важная проблема — защита общественного порядка, где также страдает прежде всего законопослушный гражданин. В части уголовной ответственности за грубое нарушение общественного порядка целесообразно, по нашему мнению, вернуть в Уголовный кодекс прежний состав об ответственности за злостное хулиганство, совершенное с применением насилия, который расформирован по составам преступлений против личности. Здесь потерпевший остается незащищенным по следующим причинам. Некоторые наиболее распространенные преступления против здоровья личности являются делами частного обвинения, возбуждаются по жалобе потерпевшего. Запугав потерпевших, хулиганы уходят от уголовной ответственности. Хотя ст. 20 УПК РФ и относит части вторые статьи 115 и 116 УК РФ к делам публичного обвинения, фактически эти дела не возбуждаются по инициативе правоохранительных органов. Практические работники этих органов упорно идут по пути игнорирования публичного обвинения в применении данных составов, почти всегда требуя заявления от потерпевшего при его избиении, как по бытовому, так и по хулиганским мотивам. Это

часто относится и к мотивам национального, религиозного и даже идеологического характера, что вообще граничит с преступлениями экстремистского плана и должно преследоваться в уголовном порядке без всякого компромисса с потерпевшим.

Причина такого положения с ответственностью за бытовое хулиганство в основном в элементарной правовой неграмотности низового звена правоохранительных органов (участковых инспекторов, работников уголовного розыска), как правило, первыми выезжающих на места происшествий с причинением физического вреда гражданам по хулиганским мотивам. В большинстве случаев потерпевшие по разным причинам (нежелание идти в суд, запуганы преступниками, не надеются на защиту) отказываются от подачи заявления, что дает формальное основание для отказа в возбуждении уголовного дела, и преступления остаются без всяких правовых последствий.

Таких фактов, например, в Уфе по разным районам за 2015 г. насчитывается больше десятка. В беседе участковые жалуются на закон, заявляя, что дворовые хулиганы уже смеются над бессилием полиции. «Не знаю, что с ними делать, — говорит один участковый, — они уже в другом дворе ни за что избили мужчину, заявления от потерпевшего опять нет». Конечно, это профессиональная неграмотность, а чаще предлог для отказа от возбуждения уголовного дела, но здесь и закон прикрывает дворовых хулиганов.

Что касается самого состава хулиганства, надо отметить, что сразу после реформирования ч. 1 ст. 213 УК РФ статистический показатель хулиганства по официальным данным снизился более чем на 27 % по сравнению с предыдущим годом, но мы понимаем, что это искусственное снижение. В то же время с утратой сдерживающего закона создается неприглядный фон взаимоотношений в обществе, особенно в среде молодежи. Под покровом безнаказанности заметно снижается культура и увеличивается насилие с групповым избиением человека ногами, что к средствам, используемым в качестве оружия, не относится, но вполне может причинить смертельную травму. Примеры этого мы постоянно видим в практике дворового быта и в средствах массовой информации.

Все это говорит о том, что оружие, предметы, используемые в качестве оружия, либо экстремистские мотивы должны остаться в соста-

ве хулиганства в качестве квалифицирующих, уступив место в ч. 1 ст. 213 УК РФ ответственности за хулиганство с применением насилия, как это было в Уголовном кодексе 1960 г. Тогда хулиганство, сопряженное с посягательством на здоровье личности, справедливо признавалось совершенным с особой дерзостью и наказывалось до пяти лет лишения свободы (ч. 2 ст. 206 УК РСФСР).

Избивая человека из хулиганских побуждений, преступник не уважает не конкретного человека, а в его лице все общество. Основным объектом является не личность, а общественный порядок. В результате расформирования хулиганства по составам преступлений против личности и существенных ограничений ответственности за хулиганство как самостоятельное преступление, государство добилось предельной гуманности к хулиганам, искусственно снизив уголовную статистику по преступлениям, совершаемым из хулиганских побуждений, не замечая, что соответственно пострадал другой принцип — социальная справедливость. Об этом принципе помнит только суд, назначая виновному справедливое наказание. Потерпевший с его интересами и здесь почти незаметен, он просто свидетель, возможно, даже не основной.

Умышленное причинение телесных повреждений личности из хулиганских побуждений можно, видимо, признать преступлением, направленным против личности, лишь в сфере семейно-бытовых конфликтов. Об этом говорится и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». Пункт 13 этого постановления прямо говорит о том, что такие преступления при отсутствии признаков, предусмотренных ч. 1 ст. 213 УК РФ, «должны квалифицироваться по статьям Особенной части Уголовного кодекса РФ, предусматривающими ответственность за преступления против личности». Однако при этом Пленум подчеркивает, что эти преступления совершаются, будучи «вызванные личными неприязненными отношениями, неправильными действиями потерпевших и т.п.». Однако где же тогда здесь хулиганский мотив?

Речь идет о потерпевших женах и детях от рук семейных пьяных деспотов. Суть в том, что в этой среде хулиганский мотив, действительно, имеет иную окраску и содержание, так как он не направлен против общества. Беспочинное издевательство над близкими в кругу семьи затрагивает узкий круг людей, связанных с правонарушителем определенными отношениями. По оценкам исследователей, снижение сегодня числа тяжких насильственных преступлений, направленных против личности, мало касается семейно-бытовых насильственных преступлений, которые составляют более 40 % от всех преступлений данной категории и которые в подавляющем большинстве остаются в латентном состоянии¹. В обществе, как правило, домашние хулиганы ведут себя законопослушно и стараются даже не беспокоить соседей. Они используют близких людей для удовлетворения собственного самолюбия или снятия производственного стресса. В семейно-бытовых конфликтах, неважно по каким мотивам они совершаются, почти всегда наблюдается всепрощение, и это вполне объяснимо. Здесь, действительно, ужесточение наказания не может играть положительную роль в предупреждении данных преступлений. Мы считаем целесообразным при домашнем хулиганстве расширение такой меры, как примирение сторон, в том числе методом медиации, что практикуется во многих европейских странах. Статья 76 УК РФ, на наш взгляд, должна играть более значительную роль при разрешении семейно-бытовых конфликтов. Строгость наказания в этих случаях одной из сторон, как правило, способствует только разжиганию конфликта.

Однако эта привилегия в отношении наказания за бытовое хулиганство не говорит о том, что оно не опасно для общества. Вопрос о детерминантах подросткового хулиганства (в основном в возрасте от 16 до 22 лет) приводит нас в семью, где рос и воспитывался правонарушитель. Отмечается, что семейные преступления отражаются на подростковой преступности. По имеющимся официальным сведениям по линии МВД, в стране насчитывается 422 тыс. неблагополучных семей, в которых проживает до 770 тыс. детей. На учете в органах внутренних дел состоят 125 тыс. родителей, уклоняющихся

¹ Ивасюк О. Н. Семейное насилие в механизме детерминации преступного поведения несовершеннолетних // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 241.

от воспитания детей или отрицательно на них влияющих. Каждый двухсотый ребенок оказывается не просто лишенным поддержки семьи, а подвергается материальным, физическим и моральным ограничениям и лишениям.

Разумеется, эта статистика не может быть абсолютно достоверной по причине все той же латентности. Она, по нашему мнению, существенно занижена, но очевидно, что такое положение дел в семье дает свой негативный результат². О. Н. Ивасюк приводит в работе такие цифры: «По официальным данным, подростковая преступность снизилась более чем на 7 %, но данные преступления по-прежнему остаются в общей уголовной статистике со стабильным удельным весом 10,9 %. При этом растет жестокость подростковой преступности: 8,6 % данных преступлений совершается с издевательством над потерпевшим, 1,4 — с применением пытки, а каждое шестое — в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии»³.

Анализ материалов инспекций по делам несовершеннолетних и следственной практики показывает, что в основном указанные преступления совершаются в городских дворах и на окраинах городов. Таким образом, хулиганство из семьи выходит на улицу. Причинение телесных повреждений гражданам уличными хулиганами содержит уже иную степень общественной опасности. Эти действия нельзя рассматривать как преступления против личности, поскольку преступник не состоит с потерпевшими, как правило, ни в каких отношениях. Причиняемый вред личности, физический или имущественный, при данных обстоятельствах является, на наш взгляд, лишь способом посягательства на общественный порядок, где потерпевшим может оказаться любой гражданин.

Поскольку проблема с подростковой преступностью во многом связана с семьей, давно уже назрела необходимость принятия закона о предупреждении насилия в семье. Проект этого закона существует несколько лет, но до

сих пор по каким-то причинам не выносится на официальное обсуждение в законодательный орган. В 2013 г. такой закон принят в Казахстане, и по имеющимся сведениям он приносит положительные результаты.

Хулиганский мотив выступает в качестве квалифицирующего обстоятельства также в ч. 2 ст. 167 УК РФ, где уголовная ответственность при умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества возможна только при наличии причинения существенного вреда. Эти уголовные дела не возбуждаются часто по причине сложности определения существенного вреда, являющегося в составе оценочным признаком. Это означает, что при наличии имущественного вреда, не признанного значительным, причиненного из хулиганских побуждений, гражданам приходится бороться с хулиганами в суде в гражданском порядке, где потерпевший всегда находится в невыгодных условиях, так как на нем лежит проблема доказывания не только суммы ущерба, но и вины другой стороны. Адвоката нанимать — только входить в еще большие расходы. По этой причине многие потерпевшие, имущество которых страдает от хулиганов, отказываются от исков. Следовательно, и здесь хулиганы чувствуют себя вольготно благодаря законодателю.

Можно сделать вывод, что государство в какой-то степени отказалось сегодня ограждать законопослушных граждан от хулиганов, по сути, приравняв хулиганский мотив к мотиву, возникающему между людьми на почве личных отношений. Он, конечно, отягчающий этот мотив, но только в случае, если уголовные дела доходят до суда, а здесь многое зависит от формулировки закона.

Рассматривая состав хулиганства в УК РФ, В. В. Лунеев заметил: «Для руководства страны криминализация общества (если она не касается подрыва власти в виде придуманного политизированного экстремизма), судя по всему, не является особо важной проблемой»⁴.

² В США с 1973 г. проводится виктимологический опрос до 80 тыс. семей. Он охватывает в том числе детей до 12 лет. В 2009 г., например, опрос показал, что о насильственных преступлениях заявили 49 % потерпевших (см.: *Ходасевич О. Н.* Лишение свободы как вид наказания: специфика, положительные и отрицательные стороны // Научный портал МВД России. 2010. № 4. С. 92). Такой опрос в России не проводится, однако, думается, указанный процент существенно отличается от российского в большую сторону.

³ *Ивасюк О. Н.* Указ. соч. С. 241.

⁴ *Лунеев В. В.* Проблемы российского уголовно-правового законодательства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3. С. 18.

Действительно, если судить по содержанию п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, этот состав сегодня защищает не гражданина, а саму власть, учитывая, что хулиганство признается наказуемым при условии, если оно совершается по мотивам экстремистского характера. По сути, это уже не хулиган, а экстремист, а если у него в руках оружие, это фактически уже бандит. Истинный хулиган под этим прикрытием чувствует себя достаточно вольно.

Прав О. Ю. Бунин, когда в связи с этим пишет: «При масштабных изменениях в государстве и праве законодатель не может забывать об исключительной важности и чуткости уголовного закона, даже небольшая несправедливость которого способна существенным образом отразиться не только на индивидуумах, но и на самом обществе»⁵.

Анализируя Уголовный кодекс РФ в его многократно обновленном виде, Ю. В. Голик и А. И. Коробеев отмечают: «Сегодня на наших глазах искусственно конструируется какой-то новый Уголовный кодекс, напрочь лишенный научного, криминологического, политологического и любого другого обоснования, круто замешанный на политической конъюнктуре, патологическом стремлении достичь любыми путями сиюминутных целей, абсолютном игнорировании мнения профессионалов. Этот новый уголовный закон сплошь и рядом противоречит сам себе, нарушает все правила кодификации, делает невозможной грамотную (законную!) квалификацию преступлений, использует неизвестные доселе понятия и обороты, игнорирует элементарную последовательность и логику в изложении и т.д. Все это реально и объективно резко снижает эффективность уголовного закона, препятствует делу борьбы с преступностью. Положение дел ухудшается буквально на глазах»⁶.

Думается, с этим мнением вполне можно согласиться, с тем лишь замечанием, что мало того, чтобы уметь критиковать законодателя, надо и предлагать что-то концептуальное. «Дело заключается в том, — говорит А. В. Наумов, — что новый Уголовный кодекс предполагает и новые для этого его принципы, как

конституционные, так и отраслевые. Готово ли наше общество, наша юридическая наука к этому? Ответ зависит от того, сформированы (сформулированы) ли эти принципы в теории. Лично я таких принципов не знаю, не видел и о них не читал»⁷.

Но мы помним, как трудно формировался существующий Уголовный кодекс и его принципы в девяностые годы прошлого века. Причина трудностей была не в том, что ученые мало работали над его созданием, а в противоречии мнений. Эти противоречия существовали не между двумя комиссиями при Министерстве юстиции и при Администрации Президента, создававшими кодекс, а практически между всеми членами этих комиссий. Одни ратовали за гуманный кодекс, другие — за жесткий.

Власть торопила принятие Уголовного кодекса в 1996 году. Уже тогда победил принцип гуманизма, в первоначальном варианте Кодекс по содержанию был, на наш взгляд, значительно предпочтительнее его современного доработанного варианта. Сегодня при реконструкции этого кодекса практически ситуация та же самая. Поэтому и новую концепцию по формированию уголовного закона создать непросто. Думается, что политики вынужденно вмешиваются в этот процесс, что влечет экспериментальное изменение уголовного законодательства, по сути, методом проб и ошибок.

Кроме того, что происходит с уголовной статистикой, касающейся преступлений против личности? Этот вопрос по цифрам официальной статистики тяжких и особо тяжких преступлений также пока без ответа. Например, В. И. Омегов пишет: «По ряду видов преступлений постоянное сокращение показателей вполне объяснимо: хулиганство — агрессивное и аморальное поведение людей во всем мире становится нормой... Как объяснить значительное снижение показателей в России и ее отдельных регионах по многим насильственным видам преступлений на фоне мировой закономерности их роста за последние пять лет: убийство — на 68,7 %; похищение человека — на 75,4 %; террористи-

⁵ Бунин О. Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм. М., 2006. С. 4.

⁶ Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex Russica. 2014. № 12. С. 1402.

⁷ Колонка редактора: интервью с А. В. Наумовым // Lex Russica. 2014. № 12. С. 1385.

ческой направленности — на 11,1 %? Что стали качественно бороться с ними или процветает непрофессионализм?»⁸

Да, как уже отмечалось выше, и непрофессионализм тоже. Но латентная преступность такого уровня только этим объясниться не может. Столь благополучная статистическая картина убийств, как отмечают некоторые криминологи, отражает не реальную динамику этих преступлений, а (во что даже трудно поверить) практику их регистрации в правоохранительных органах и, как следствие, их высокую латентность. «В деятельности этих органов использовалась любая возможность избежать регистрации заявлений о преступлениях и возбуждения уголовных дел»⁹. О латентности хулиганства, совершаемого с применением насилия, не достигающего тяжкого вреда здоровью граждан, и говорить не приходится. Здесь сегодня и регистрировать нечего.

Что же предпринимает российский законодатель, чтобы защитить законопослушного гражданина от преступных посягательств на его конституционные права и интересы?

В начале 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 28.12.2013 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве». Закон во многом основан на положениях постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», где обращается внимание на охрану законных интересов потерпевшего, на уважение его достоинства, повышение его доверия к уголовному судопроизводству. «Уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений», — говорится в этом постановлении. Новый Закон, по сути, подтвердил и закрепил указанные положения. Обращено внимание на обязательность компенсации причиненного вреда (полностью или частично); потерпевший наделяется правами, которые соотнесены с правами подозреваемого

и обвиняемого; предусмотрена возможность суда применять меры защиты в отношении потерпевшего и т.д. Вроде бы теперь не только Верховный Суд, но и сам законодатель повернулся лицом к потерпевшему. «Теперь можно сказать, что правовая составляющая получает законодательное подкрепление», — пишет об этом О. Костина¹⁰. Но прошло почти три года, а в правовом положении потерпевшего ничего не изменилось. Декларативность закона очевидна, так как на пути его исполнения другие законы, препятствующие его исполнению. В частности, это касается представленных выше законов об ответственности за автотранспортные преступления и за хулиганство.

Много разговоров о защите потерпевшего в период следствия и во время судебного разбирательства. Эта тема стала особенно актуальной. В юридических вузах Республики Башкортостан, например, уже три года подряд данной проблеме посвящаются международные конференции и круглые столы. Известно, что такие конференции проходят и в других юридических вузах страны. Нельзя не признать, что формально система защиты потерпевшего и свидетеля работает. Но в беседе с работниками правоохранительных органов, непосредственно осуществляющих эту функцию, выясняется, что для надлежащей защиты каждого потерпевшего при сегодняшнем кадровом сокращении в системе полиции не хватает «ни сил, ни средств». От бытовых хулиганов потерпевшие не защищены вообще, поскольку здесь речь не идет о таком объекте, как жизнь. Поэтому заявления о совершаемых преступлениях, связанных с хулиганством, в полицию чаще всего просто не поступают.

Что касается подростковой преступности, связанной с насилием, направленным против личности по хулиганским мотивам, можно отметить Закон предупредительного характера от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Закон вступил в силу с 1 сентября 2012 г. Но никаких изменений в плане декларируемой защиты не произошло и не предвидится в будущем.

⁸ *Омегов В. И.* Некоторые проблемы современной российской уголовной статистики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2. С. 76.

⁹ *Генрих Н. В., Камалова А. К., Морозов Н. А.* Сравнительный анализ преступности в России и зарубежных странах // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 378.

¹⁰ *Костина О.* Двигаться дальше // Щит и меч. 2014. № 10. С. 10.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бунин О. Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм. — М., 2006.
2. Генрих Н. В., Камалова А. К., Морозов Н. А. Сравнительный анализ преступности в России и зарубежных странах // Российский криминологический взгляд. — 2013. — № 3.
3. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex Russica. — 2014. — № 12.
4. Ивасюк О. Н. Семейное насилие в механизме детерминации преступного поведения несовершеннолетних // Российский криминологический взгляд. — 2013. — № 3.
5. Колонка редактора: интервью с А. В. Наумовым // Lex Russica. — 2014. — № 12.
6. Костина О. Двигаться дальше // Щит и меч. — 2014. — № 10.
7. Лунеев В. В. Проблемы российского уголовно-правового законотворчества // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 3.
8. Омегов В. И. Некоторые проблемы современной российской уголовной статистики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 2.
9. Ходасевич О. Н. Лишение свободы как вид наказания: специфика, положительные и отрицательные стороны // Научный портал МВД России. — 2010. — № 4.

Материал поступил в редакцию 28 августа 2016 г.

SAFE OPERATION OF TRANSPORT, PROTECTION OF PUBLIC ORDER AND PROTECTION OF AN INDIVIDUAL

SERDYUK Leonid Vasil'evich — Doctor of Law, Professor at the Ufimskiy Institute of Law of the Ministry of the Interior of Russia
leonid-pro@mail.ru
450091, Russia, Ufa, Muksinova Street, 2

Review. The article discusses the effectiveness of criminal legislation of the Russian Federation on liability for causing physical harm to the individual in the road offences and committed with hooligan motives. Attention is drawn to the unwarranted removal of criminal liability for the guilty infliction of physical harm of medium gravity, close to the infliction of serious harm to health when committing road offences. The author believes that it is necessary to review the question of the nature of the guilt of the driver having an accident with fatalities while heavily intoxicated. The article provides rationale for the recognition of the acts committed with indirect intent with the corresponding legal consequences. This is explained by the fact that driving in such a condition of a source of increased danger, the subject cannot but be conscious of the danger of their behaviour and, therefore, cannot fail to predict dangerous consequences. Being intoxicated when the perception of reality is delayed, s/he cannot count on their driving experience. The author also considers incorrect the legislative decision about removing the special components of the Art. 265 out of the Criminal Code of the Russian Federation and transferring the responsibility for abandoning a person in a life-threatening condition when you have a road traffic accident to the general components of the Art. 125 of the Criminal Code of the Russian Federation. This significantly reduces the impact of criminal law to defer road offenders from committing such deeds.

Given that the battery and causing light damage to health, committed with hooligan motives, in practice, in fact is equated with domestic abuse, it is proposed to remove this motive out of the components of these crimes. However, the necessity of introduction into part 1 of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation of liability for gross violation of public order, associated with violence against the person, with the transfer of the existing features of this part (clauses "a" and "b") to the qualifying ones. These elements today, according to the author, citizen, protect not the citizen but the very power, given that hooliganism is recognized as a punishable offence if it is committed for motives of extremist nature, and armed hooliganism is essentially equated to banditry.

Keywords: road offences, domestic hooliganism, hooligan motive, public order, public order offense, humanization of the criminal law, the presumption of innocence, the careless crime, crimes against health, disrespecting society.

BIBLIOGRAPHY

1. *Bunin O. Yu.* Implementation of the Principle of Fairness in the Imposition of Sanctions of the Criminal Law. Moscow. 2006.
2. *Genrikh N. V., Kamalova A.K., Morozov N.A.* Comparative Analysis of Crime in Russia and Foreign Countries // Russian Criminological Outlook. 2013. №3.
3. *Golik Yu. V., Korobeev A.I.* The Reform of the Criminal Legislation of Russia: to Be or not to Be? Lex Russica. 2014. № 12.
4. *Ivasyuk O. N.* Domestic Violence in the Mechanism of Determination of Criminal Conduct by Minors // Russian Criminological Outlook. 2013. № 3.
5. Editor's Note: interview with A.V. Naumov // Lex Russica. 2014. No. 12.
6. *Kostina O.* Move On // Shield and Sword. 2014 № 10.
7. *Lunev V. V.* The Issues of Russian Criminal Law Legislation // Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2013. № 3.
8. *Omegov V. I.* Some Problems of Modern Russian Crime Statistics // Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2012. № 2.
9. *Khodasevich O. N.* Imprisonment as a Form of Punishment: Specifics, Positive and Negative Points // Scientific Portal of the Ministry of the Interior of Russia. 2010. № 4.